

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

РАДУГА ДЛЯ ДРУГА

ФОРМУЛА ДОБРА

ФУКУСИМА,
ИЛИ ИСТОРИЯ СОБАЧЬЕЙ ДРУЖБЫ

НА КАЧЕЛЯХ МЕЖДУ ХОЛМАМИ

ОСТРОВ ВЕЗЕНИЯ

#ЛЮБОВЬ,
ИЛИ НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

*Памяти моей прабабушки
Анны Артёмовой
посвящается*

Собака так предана, что даже
не веришь в то, что человек за-
служивает такой любви.

И. Ильф

Вместо пролога

Ав-ав, дорогие мои человеки, в смысле, здравствуйте! Узнаёте? Давненько мы с вами не виделись. Соскучился — не то слово! Приветствую и новых друзей! Если вы ещё не читали мою первую книгу «Радуга для друга»¹, позвольте представиться: лабрадор Трисон! Окончил специальную школу по подготовке собак-поводырей. Наверняка вы слышали о такой профессии. Мы помогаем слепым людям. Правда, не все знают, как проходит обучение, как мы работаем, что умеем делать и вообще — на что способны.

Сразу скажу: работа у нас не из простых, хотя мы и не ищем лёгких путей, наша основная задача — преданно и беззаветно служить человеку. В своей первой книге я рассказал, как трудился у ветерана Ивана Савельевича (царство ему небесное), затем — у незрячего подростка Сашки. Вы знаете, в это, наверное,

¹ «Радуга для друга», повесть, Михаил Самарский, Эксмо, 2012 г.

трудно поверить, но однажды я даже подарил своему юному другу самую настоящую радугу. Да-да, вот так бывает. Кстати, у нас, поводырей, не принято называть людей, у которых мы работаем, своими хозяевами. Мы зовём их подопечными. И вы потом поймёте почему.

Не всё в нашей работе проходит гладко, иногда приходится заниматься и совсем неожиданными делами. Иными словами, поводырь в критической ситуации должен уметь быть и спасателем, и защитником, и даже...

Впрочем, не стану вдаваться в подробности. Если вам интересно, прочитайте первую книгу. Ох, и намыкался я там! А сейчас я хочу поведать вам о моих новых приключениях. Забегая вперёд, скажу лишь одно: этой книги могло и не быть, потому что я несколько раз оказывался на волосок от гибели. Но, слава богу, всё обошлось — как говорится, мир не только не без добрых собак, но и не без добрых людей. Не корите меня строго, но люблю я в ваши человеческие поговорки добавить чуточку и наших мыслей.

Пораскинул я тут своими собачьими мозгами и решил: наверняка вам будет интересно, что же произошло дальше. А то мы расстались в прошлый раз совсем внезапно — мне даже неловко.

На пенсию, согласитесь, рановато — ещё работать и работать. Не зря ведь меня столько времени обучали в специальной школе. Не знаю, как у вас с этим делом, а у нас такими кадрами не разбрасываются. Поводыря в сторожа никто не отправит (хотя, признаюсь, уже

бывало и такое — я обо всём расскажу). Такие специалисты, как я, на вес золота. Пока есть нюх, зрение, силы и, конечно, образование, буду трудиться.

Но не стану сам себя нахваливать, а то меня из-за первой книги и так хвастуном обозвали. Но, поверьте, я не ради самохвальства подробно рассказываю о себе и своих способностях — для вас, для людей, стараюсь. Признайтесь, ведь до нашего знакомства многие из вас даже не представляли, что такое собака-поводырь и как она работает. Это, между прочим, не моя выдумка. Мне об этом сами читатели рассказывали. Серьёзно говорю.

Я тут однажды один день даже актёром побывал. После того как повесть «Радуга для друга» вышла в свет, меня пригласили на презентацию книги. Да-да, честное слово. Как раз в то время в нашу школу по подготовке собак поводырей был новый заезд, и один инвалид согласился поехать с нами на экскурсию. Он ещё не решил, будет брать поводыря или нет, просто приехал попробовать, что это такое и с чем нас едят. С нами в командировку отправили и моего инструктора Лену. Я выступал (не поверите!) прямо в книжном магазине — показывал зрителям своё мастерство. Не стану скрывать, волновался жутко. Это вам не шуточки — можно сказать, настоящим артистом стал! Вышел на сцену, как глянул в зал и обомлел. Ну, думаю, теперь не опозориться бы. Но всё прошло на «отлично».

Так вот, на том мероприятии один фотограф подходит к моему инструктору, гладит меня по голове, чешет за ухом и говорит:

— Спасибо вам, что с Трисоном приехали, а то я сорок лет прожил и никогда собаку-поводыря не видел.

Ух, и горд же я был в тот момент!

Но приступим к делу. Вы не представляете, сколько у меня накопилось для вас историй с тех пор, как мы расстались — и хороших, и плохих, и ужасных. Даже не знаю, уложусь ли в одну повесть. Давайте договоримся так: я начну свой рассказ, а там посмотрим: повесть ли, роман ли, может, целая собачья эпопея «Война и мир» выйдет.

Глава 1

У собак, как и у людей, жизненный опыт растёт с каждым новым знакомством. Ой, только не дай бог вам таких знакомств, с которыми мне довелось столкнуться: как вспомню, так вздрогну.

Сначала всё шло хорошо. После Сашкиного прозрения тунеядствовал я недолго. Через месяц с небольшим меня передали слепой женщине–писателю. Тут, конечно, я пожил славно. Какой я всё–таки наивный пёс: думал, что здесь буду трудиться до самой своей смерти. Да не тут–то было, распрощались мы с новой подопечной внезапно — так сложились обстоятельства. А дальше... Впрочем, не буду забегать вперёд.

Хотя Анна Игоревна Кривошеева моей подопечной стала на непродолжительное время, расстались мы с ней большими друзьями. Просто теперь она живёт за границей. Предупреждаю: если встретите эту замечательную женщину, не вздумайте назвать её писатель–

ницей — жутко обижается. Она считает, что такого слова в человеческом языке вообще не существует. Ну, не нам, собакам, рассуждать на такие темы. Нет — так и нет. Это всё мелочи. Да, кстати, Анной Игоревной её никто в доме не называл. Официальное имя было где-то глубоко упрятано в бумагах, письмах, всяких там документах и тому подобном. В жизни эту очаровательную женщину все называли либо Аннушкой, либо Анютой, иногда просто Анной.

До чего же она была красива! Мне кажется, она даже немного походила на меня — золотистыми волосами. А ещё у неё были поразительно красивые губы, высокий лоб, строгий прямой нос и тончайшие пальцы. Вся она была такая хрупкая, нежная, лёгкая, прямо какая-то воздушная. Почему-то многие принимали её за балерину. Я, конечно, по театрам не хожу, живых балерин не видел, но по телевизору как-то смотрел. Нет, никакая она не балерина. Те, конечно, тоже красивые и привлекательные, но они слишком прыгучие, бегучие, скакучие, а Анна Игоревна — женщина спокойная и тихая. Плавная. Думаю, если бы какой-либо талантливый художник написал с неё портрет, то через некоторое время Лувр обменял бы его на Джоконду. Без всяких сомнений.

Вы видели эту Джоконду? В кабинете Анны Игоревны висела репродукция картины. Не знаю, что в ней люди нашли такого потрясающего? Хитрая эта Джоконда какая-то. Так смотрела, что мне даже иногда неуютно ста-

новилося. Кажеться, ще мгновение, и раскомандується: «Ко мне!», «Сидеть!», «Апорт!» и так далее. Но самое любопытное, в какой бы угол кабинета я ни забрался, она всё время наблюдала за мной, не сводила глаз. Вот так портретик. Хотя моя подопечная прямо убивалась, что уже никогда не увидит оригинал картины, то есть мечта её так и не сбудется. Нашла о ком жалеть. Ну да ладно, бог с ней, с этой Джокондой. Не о ней речь.

Когда мы с Аннушкой гуляли в парке, меня прямо распирало от гордости за свою подопечную. Я не встретил ни одного мужчины, который, проходя мимо, не обернулся и не посмотрел бы нам вслед. Иными словами, удивительная женщина! Первое время мы гуляли только вблизи нашего дома. Но с каждым днём уходили всё дальше и дальше. Анна Игоревна осмелела до такой степени, что мы даже стали с ней ездить на трамвае в другой микрорайон. И всё это без посторонней помощи. Для незрячего человека — это, между прочим, большое событие, это свобода.

Если бы вы знали, как я в то время жил! Ой-ой-ой! Обзавидовались бы. Это... даже затрудняюсь описать. Давайте по-другому поступим. Вы помните Ивана Савельевича, Сашку, их друзей, родственников? Так вот, если бы Иван Савельевич рассказывал о моей жизни в писательском доме, он сказал бы: «Живёт Трисон, как кум королю и сват министру». Сашка просто произнёс бы: «Круто, Триша!» Бабушка его, Елизавета Максимовна, наверное, перекрестилась бы и прошептала:

«Боже мой! Как сыр в масле катается!» Мама... тут я даже не знаю. Она, скорее всего, тоже сказала бы простенько: «Не жизнь, а малина!»

Иными словами, устроился я неплохо. Семья была просто изумительная. Жили мы вчетвером в загородном доме. Я, мама, папа (Константин Александрович) и их дочь Маша. Мария была ещё маленькой — ей в ту пору исполнилось всего десять лет, но такая, скажу вам, шустрая девочка. Отец называл почему-то её егзой. Не знаю, что за слово такое, но девчонка не обижалась. Значит, хорошее слово. Маша — копия мама. По ней я мог судить, какой Анна Игоревна была в детстве.

Мы с Машей подружились с первого дня. Вы знаете, я люблю детей. Маша меня купала, вычёсывала и всегда норовила подсунуть кусочек чего-нибудь вкусненького. Я сначала отказывался, отворачивался — у меня же инструкция: нельзя ничего, кроме своего корма, есть. Но потом, чтобы не обижать девчонку, стал по чуть-чуть принимать от неё подарки. Я вспомнил: в инструкции ведь сказано, что нельзя брать корм из чужих рук. А какая же мне Машка чужая? Она была мне как сестра. Мы с ней даже в футбол гоняли вместе. Я ещё расскажу вам о ней. Думаю, Маша, когда вырастет, будет певицей. Вы бы слышали, как она поёт в караоке. Семья любила по вечерам попеть в микрофон. И даже я им подпевал. Ну, или, если хотите, подвывал. Из меня, конечно, певец никудышный, но моим сородичам нравилось, когда я участвовал в их хоре. После

концерта они меня всегда угощали чем-нибудь вкусненьким — то котлетку дадут, то косточку, то конфетку.

Ой-ой-ой! Ну, надо же! Чуть ещё об одном члене семьи не забыл. Не вчетвером мы жили, а впятером. Было там такое чудо-юдо: Кисуля. Только не подумайте, что я так ласково кошечку называю. Нет, это у неё кличка такая. Говорят, когда она появилась в доме (это было задолго до меня), её называли иначе — то ли Муся, то ли Дуся — но с чьей-то лёгкой руки все стали называть просто Кисулей. Ох уж эта Кисуля! И откуда они такие кисули на мою голову берутся. Нет, жили мы с ней мирно, ладили. Но какой же она бывала занудой.

Вот представьте такую ситуацию. Прихожу с прогулки, перекусил, водички полакал и на боковую. Мне всегда нужно спать чуть больше, чем обычным собакам, — я даже когда сплю, считаюсь на работе. И вот тут начиналось. Нашей Кисуле делать-то больше нечего. Скучно ей, хочется поиграть. Ну, возьми свою мышку пластмассовую или мячик и играй себе на здоровье. Так нет же. Только я усну, вот она, Кисуля. То за хвост меня лапой потрогает, то ухо моё ей покоя не даёт. То мимо меня проходит так, чтобы своим хвостом непременно мой нос зацепить. Вот это мне больше всего не нравилось. Обычно после такой пакости я громко чихал. Несколько раз даже Аннушку своим чихом напугал. Она смеётся и говорит мне:

— Будь здоров, Трисончик!

— Ав, — отвечаю.

А Анна Игоревна-то не видит, что её Кису-

ля вытворяет, и, наверное, думает, что это я её благодарю. Она улыбается и говорит:

— Пожалуйста, мой дорогой.

Приятно, конечно, когда с тобой так вежливо разговаривают, а с другой стороны, что я мог поделаться? Снова лапами глаза прикрою и засыпаю. А Кисуле опять неймётся. Иногда она такое вытворяла, хоть волком вой. Возьмёт, прямо на меня залезет и лежит мурлыкает. Тоже мне, наездница. Но я в такие моменты уже и не сгонял её — думаю, лежи, только нос не щекочи. Бывало, вот так и спали вместе. А что делать? Не кусать же её, в самом деле. Вроде как своя. Но и это по большому счёту мелочи. Я чуть позже расскажу вам о специальных кошках. Те зеленоглазки не чета нашей Кисуле. Там всё гораздо сложнее.

Что бы я ни говорил, а всё равно у Кривошеевых было замечательно: прекрасный корм, приятные, как называл их Иван Савельевич, мыльно-рыльные принадлежности. Представляете, у меня в кабинете даже был собственный диван. Да-да! С подушкой и одеяльцем. В кабинете мне было очень хорошо, Кисуля оставалась за дверью. Её сюда не пускали. Эта подруга подмочила свою репутацию. Залезла однажды на письменный стол и разбросала по всей комнате бумаги. Да ладно бы просто бумаги разбросала, так она ещё и все салфетки изодрала в клочья, превратив кабинет прямо в какой-то осенний сад — повсюду валялись жёлто-оранжевые лепестки. Не кошка, а вредитель какой-то.

Так вот, моя подопечная трудилась за сто-

лом, а я лежал себе на диване, балдел и слушал её новые романы. Аннушка могла работать и за специальным компьютером для незрячих, но в основном начитывала главы на диктофон, а Константин Александрович или Маша потом всё это набирали на компьютере. Затем муж правил, редактировал, частенько критиковал автора. Иногда так заспорят, так заспорят, что я думал: ну всё — навеки вечные разругаются.

Нет, слышу утром, Анна Игоревна говорит:

— Костюшенька, я подумала. Действительно, эпизод с морем нужно переделать. Банально звучит. Ты прав...

— Да я не настаиваю, Аннушка, — отвечает Константин Александрович, — смотри сама, тебе виднее.

Хм! Вы слышали? Он не настаивает. Это он не настаивает? С ума сойти. Вчера ещё говорил супруге, что ничего более бездарного в своей жизни не читал. А теперь он не настаивает. Сдохнуть можно от этих людей! Хотя, откровенно говоря, я со временем перестал удивляться таким метаморфозам. Вы знаете, у творческих людей (а муж Аннушки не только редактор, он ещё и поэт) семь пятниц на неделе. Иногда сидят весь вечер, друг другу читают стихи, прозу, не удивляйтесь, но даже сказки. Восторгаются, смеются, иногда плачут. А на следующий день всё летит к ...

...эх, аж скулы свело. Не понимаю я этих выражений. Как вы думаете, куда всё летело? Всё верно: конечно, к чертям собачьим. Вот объясните мне, что это означает? Ну, при чём

